

Глава 1. Глупый сын семьи Ли

Ли Цинвэню снился сон — путанный, обрывочный, полный хаотичных образов. То он видел себя маленьким, идущим по каменистой лесной тропе; чья-то рука крепко сжимала его ладонь, а под ногами шуршал толстый слой опавших листьев, отчего детское тельце покачивалось при каждом шаге. То вдруг его окружала толпа чумазных ребятишек, которые тыкали в него пальцами и наперебой выкрикивали: «Дурачок! Дурачок!»

Прежде чем он успевал возразить, видение сменилось другим. Перед ним высилось надгробие с двумя до боли знакомыми именами. Лишь один взгляд на них заставил сердце сжаться от невыносимой тоски, но стоило ему моргнуть, как вместо слёз из глаз потекла алая кровь.

Кровь?!

Напуганный этим багрянцем, Ли Цинвэнь резко вскинул голову и увидел над собой преграду — чью-то руку, заслонявшую его. Хозяин этой руки находился совсем рядом, но черты его лица расплывались, и лишь глаза сияли необычайно ярко.

Ли Цинвэнь отчаянно пытался прийти в себя, но сознание словно угодило в западню, из которой не было выхода.

— Ли Цинвэнь... Ли Цинвэнь... Ли Цинвэнь... Сынок...

Где-то вдали послышался зов. Голос звучал негромко, но именно он разогнал туман. Ли Цинвэнь резко распахнул глаза.

Первое, что он увидел, был почерневший от времени потолок и ветхая оконная рама. В комнате царил полумрак, и невозможно было понять — день сейчас или ночь. Повернув голову на звук тяжёлого сопения, он обнаружил рядом двух подростков. Один из них закинул ногу ему прямо на живот.

Осколки сновидений внезапно обрели плоть и ясность. Ли Цинвэнь с содроганием осознал: это был не просто сон, а воспоминания, принадлежащие прежнему хозяину этого тела.

В той, прошлой жизни он только что миновал узкий мосток выпускных экзаменов и получил извещение о зачислении в желанный университет. Лишь недавно он стоял перед могилой родителей, воодушевлённо делаясь планами на будущие четыре года, и вот — каким-то непостижимым образом оказался в этом чуждом мире.

Судя по памяти тела, прежний владелец родился в крестьянской семье. Он с детства страдал скудоумием, и сейчас, в тринадцать лет, оставался самым младшим ребёнком в доме. У него было четверо старших братьев и сестра. Несмотря на недуг, отец и мать не отвернулись от него. Они не только преданно заботились о сыне, но и возили его ко всем лекарям, до которых

могли дотянуться.

Раньше мальчика звали Ли Цинхэ, и смена имени имела свою историю.

Той зимой стояли лютые холода. Ли Маосянь, отправившийся на поиски очередного лекаря, попал в снежную бурю и в укрытии случайно спас замерзающего даоса. Тот в благодарность поведал, что плоть ребёнка здорова, а разум спит лишь потому, что души и телесные духи его не полны, и врачи здесь бессильны. Чтобы вернуть ясность сознания, нужно было сначала дать сыну новое имя, а в день его тринадцатилетия провести обряд призыва души.

Ли Маосянь почему-то безоговорочно поверил страннику. Вернувшись домой, он нарёк младшего Ли Цинвэнем, а сегодня, в день его рождения, действительно сумел пробудить душу в этом теле.

И этот же день, по иронии судьбы, был днём рождения самого Ли Цинвэня.

Голова гудела. Он не знал, было ли это случайностью или предначертанием свыше.

«Если бы всё это случилось до того беспросветного ада, которым был выпускной класс, я бы, наверное, даже обрадовался. По крайней мере, не пришлось бы толкаться локтями с многотысячной толпой на пути в университет...»

По сравнению с прежним одиночеством, внезапное обретение столь многочисленной родни вызывало в душе Ли Цинвэня робкое, полное надежды трепетание.

Из-за обряда призыва домочадцы Ли не смыкали глаз всю ночь. Когда небо начало светлеть, госпожа Чэнь прогнала двоих сыновей немного вздремнуть, а сама вместе со старшей невесткой хлопотала у очага. Как бы ни сложились дела, людям нужно было завтракать, да и скотина в хлеву требовала корма.

Вытерев руки о фартук, матушка Чэнь достала сверток и вложила его в руку невестки.

Госпожа Цзян недоуменно развернула ткань. Внутри лежала тонкая серебряная шпилька. Обычно покорная и тихая, женщина на этот раз не на шутку разволновалась.

— Матушка, эту шпильку ведь собирались заложить... Как же так?

Она знала, что серебро там невысокой пробы и выручить за него удастся сущие гроши, но в доме не осталось ни монеты лишней. Если бы были деньги, матушке Чэнь не пришлось бы в прошлом месяце прекращать приём лекарств.

— Невестка, у нас с твоим отцом ещё есть силы, нам не нужно, чтобы ты распродала своё

приданое, — матушка Чэнь подбросила хвороста в печь и негромко добавила: — Это ведь был свадебный подарок от твоего мужа. Разве можно отдавать его из-за дел нашего младшего? Успокойся, мы с отцом всё рассчитали.

Госпожа Цзян не верила этим словам. Она была старшей невесткой и жила в этой семье уже несколько лет, хорошо зная их достаток.

— Матушка, не пытайтесь меня обмануть. В последние дни расходы были огромными, осенний урожай ещё не собран, свободных денег в доме нет. Если шпилька на месте, то что же вы продали?

— Зачем тебе такие подробности? — притворно рассердилась матушка Чэнь. — Уж не хочешь ли ты сама хозяйство вести?

Невестка понимала, что свекровь не сердится по-настоящему. Она лихорадочно вспоминала, что пропало из дома за эти два дня, но никак не могла сообразить.

— Матушка, неужели вы продали землю?

— Нет. Не бери в голову.

Госпожа Чэнь не хотела говорить, но, видя искреннюю тревогу в глазах невестки, вздохнула и прошептала:

— Дядя Тань давно заглядывался на инструменты твоего свёкра. Можно сказать, отец твой просто пошёл ему навстречу...

— Отец продал свои инструменты? — ахнула госпожа Цзян. — Но ведь они служили ему столько лет, он же ими так дорожил!

— Сын — вот главное сокровище, — матушка Чэнь и сама чувствовала горечь на сердце. — Лишь бы наш мальчик поправился, мы с отцом за это и жизни не пожалеем.

Слова, звучавшие за тонкой занавеской в соседней комнате, отчётливо донеслись до Ли Цинвэня. В груди у него странно защемило.

В этот момент чья-то рука бесцеремонно скользнула под него, нащупывая что-то пониже спины. Ли Цинвэнь лежал под одеялом совершенно нагим.

— Сухо, не описался... — пробормотал спросонья сонный голос.

Ли Цинвэнь инстинктивно перехватил эту руку. Тот, кого он поймал, опешил.

— Сынок? Ты проснулся?

После этого выкрика в комнату ворвались торопливые, путанные шаги. Несколько человек сгрудились у постели, кто-то поспешно подкрутил фитиль масляной лампы, чтобы свет залил лицо Ли Цинвэня.

— Сынок, ты... ты пришёл в себя? — женщина лет сорока с лишним смотрела на него с нескрываемой надеждой и тревогой. — Узнаёшь матушку?

Рука её, державшая лампу, так сильно дрожала, что капли масла летели во все стороны.

— Малыш, — позвал третий брат, — ты меня слышишь?

Лица перед ним не были чужими. Ли Цинвэнь непроизвольно разомкнул губы:

— Матушка...

Одного этого слова хватило, чтобы все в комнате замерли. В следующую секунду его крепко сжали в объятиях, и со всех сторон послышался приглушённый плач.

В августе крестьянские заботы немного стихали. Закончив завтрак, жители восточной окраины деревни Ивовая, как обычно, собрались у южной стены дома, где на припёке было удобно греться на солнце и обсуждать последние новости.

Раньше разговоры шли в основном о делах земельных, но сегодня у всех на устах была семья Ли.

— Слыхали? Глупый сын Ли, говорят, поправился...

— Да ну, правда что ли? На рассвете я сам слышал, как жена Ли Маосяня на севере деревни душу звала... Малый-то с рождения дурачком был, почитай, тринадцать лет. Разве можно разум так вот кликнуть?

— Кто ж его знает... Но семья Ли к этому делу подошла со всей строгостью. За несколько дней всех предупредили, наказывая односельчанам не выходить со двора в пятую стражу, дабы ненароком не спугнуть душу. Столько яиц по соседям раздали! Если и после такого не вышло бы, бедному Маосяню только в петлю лезть оставалось бы.

— Мастера они, конечно, суетиться. Столько лет прошло, а всё не угомонятся. Говорят, даже имя ему сменили и ради этого родовой храм открывали. Подумать только!

— Это ещё что. Сколько они за эти годы по лекарям наездили... Слыхал, до самой провинции Хунчжоу добирались. Там на них разбойники напали, чудом живы остались. Серебра извели — не счесть.

— А где это, Хунчжоу?

— Далеко на юге! Говорят, больше двух тысяч ли от наших мест!

Толпа у стены дружно ахнула.

— Сын полоумный, так и отец рассудком тронулся. Столько сыновей в доме, один другого краше, а он серебро в бездонную лохань кидает. Чистое разорение.

— Ли Маосянь всегда человеком рассудительным слыл, а тут из-за кровинушки своей будто ослеп. Эх, кабы он эти деньги на землю потратил, младший его, хоть и дурачок, до конца дней сытым бы ходил. А так — сплошная нелепость.

Глупый сын, о котором судачили на востоке деревни, был не кто иной, как Ли Цинвэнь — самый младший в семье Ли.

Деревня Тополиная, что в уезде Люшань провинции Динчжоу, была небольшим горным селением, в котором насчитывалось около двухсот дворов. В деревне главенствовали три больших клана: Хань на востоке, Го на юге и Ли на западе. Прочие семьи можно было пересчитать по пальцам.

Ли Маосянь, хотя его положение в иерархии клана было невысоким, пользовался в деревне весом. Он был грамотным и в своё время участвовал в строительстве столицы. Повидав мир и преодолев тысячи ли, он вернулся домой целым и невредимым, а его кругозор был куда шире, чем у односельчан, редко выезжавших за пределы уезда.

Семья Ли Маосяня славилась своим трудолюбием: в поле они управлялись раньше всех, кур держали больше любого в округе, а их свиньи всегда были самыми жирными. И всё же жили они в нужде. Причиной тому был младший сын. Ли Цинвэнь, как и старшие братья, уродился красавцем, но, на беду, был слабоумен. В свои тринадцать лет он не умел даже самостоятельно есть или ходить в уборную. Но семья Ли не желала мириться с судьбой, упрямо бросая деньги в бездонную бочку, — и все эти годы их усилия оставались тщетными.

Тем временем предмет их пересудов сидел на кане, окружённый родственниками. Совершенно нагой, Ли Цинвэнь в растерянности прижимал к себе тонкое одеяло под пристальными взглядами родни.

— Ой, смотрите-ка, наш сынок и впрямь разум обрёл! Стыдится, одеяло-то как крепко сжал...

— Да поздно уже прятаться, мы тебя всяким видали. Ну-ка, назови меня четвёртым братом!

От этих подначек Ли Цинвэнь готов был провалиться сквозь землю. Его чёрные глаза часто моргали. Наконец он поднял взгляд на самого высокого мужчину в комнате и, словно ища защиты, негромко позвал:

— Отец...

Прежде пустые и неподвижные глаза теперь светились жизнью, а бледная кожа лица залилась густым румянцем. Огрубевший от невзгод Ли Маосянь смотрел на ожившего сына, и даже его железная выдержка дала сбой — в уголках глаз заблестели слёзы.

Его сын действительно поправился.

Прошло немало времени, прежде чем Ли Маосянь глухо произнёс:

— Хватит донимать мальчишку. Легли поздно, пусть ещё отдохнёт.

Слово главы семьи было законом. Едва он заговорил, любопытные руки братьев тут же отстранились.

Ли Цинвэнь немедленно улегся. Матушка Чэнь и госпожа Цзян заботливо подоткнули одеяло.

Сначала ему казалось, что сон ушёл, но под негромкий, убаюкивающий шёпот родных он сам не заметил, как провалился в забытие. На этот раз сон был спокойным, без пугающих видений прошлого.

<http://bllate.org/book/15828/1427857>